

A $\frac{256}{367}$

ПИКОЛАН АГНИВЦЕВЪ

ГОДЪ ЗВОНЪ МЕЧЕЙ

256
367

31/20

THE GREAT
TIP WENT

10
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200

10/04

10/04

10/04

367

12743

НИКОЛАЙ АГНИВЦЕВЪ.

ПОДЪ ЗВОНЪ МЕЧЕЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Складъ изданія: „Екатеринофское Печатное Дѣло“.

1915 г.

Типографія Т-ва
„Екатерингофское Печ-
чатное Дѣло“. Екате-
рингофскій пр., 7.

2007054044

Пора.

Поэты, встаньте въ общемъ кличѣ,—
Довольно пѣть о Беатриче!
— Уже въ поляхъ свистить картечь
И рѣютъ ядра!..

— О, поэты,

Пора—жеманные сонеты—
Перековать на звонкій мечь!
— Пока оружія не сложить—
Раздутый спѣсью швабскій гномъ—
Пусть каждый бьется тѣмъ, чѣмъ можетъ:
Солдаты—штыкомъ, поэтъ—перомъ,
Пусть вмѣстѣ съ кровью пѣсня льется
И вѣрьте: въ даляхъ голубыхъ—
Цѣною крови вамъ зачтется
Изъ сердца вылившійся стихъ!
Я слышу гулъ далекой битвы
И, вотъ,—проклятья и молитвы,
Желѣзо, золото и мѣдь—
Бросаю въ горнь святого гнѣва,
Чтобъ сталью новаго напѣва—
Съ неожиданной силой зазвенѣты!

I.

Родинѣ.

Набатъ.

Доли и села, отъ края до края,
Вздрогнули гнѣвно подъ взмахомъ булата,
И съ колоколенъ, гудя и стеноя,
Хлынули мѣдныя волны набата:

— Бамъ... бамъ... бамъ...

Гей, поднимайтесь на бой, исполины,
Въ сумракѣ крадутся вражьи дружины...

— Бамъ... бамъ... бамъ...

Богомъ отринуты, съ воемъ звѣринымъ
Рыщутъ, какъ волки, они по долинамъ...

— Бамъ... бамъ... бамъ...

Мирныя села грома и сжигая,
Нагло пируетъ голодная стая...

— Бамъ... бамъ... бамъ...

Взоры ихъ жадны и зубы ихъ остры,
Слышите: плачутъ вдали ваши сестры!..

— Бамъ... бамъ... бамъ...

Мстите за дѣвичьи слезы жестоко!
Мщение! мщение! Око за око!..

— Бамъ... бамъ... бамъ...

Прочь поцѣлуй! Прочь шутки паяца!
Всѣ — на врага, въ комъ есть силы подняться!..

— Бамъ... бамъ... бамъ...

Долы и села, отъ края до края,
Вздрогнули гнѣвно подъ взмахомъ булата,
И съ колоколенъ, гудя и стеная,
Хлынули мѣдныя волны набата:

— Бамъ... бамъ... бамъ...

Радость великая.

Пока не грянулъ громъ Войны,—
Бродили мы вокругъ Стѣны,—
Крича при встрѣчѣ строго:
— „Мой домъ—вотъ здѣсь, твой домъ—вонъ
тамъ,
„Такъ разойдемся-жь по домамъ“...
И... шли своей дорогой.

Но звякнулъ мечъ: „Война! Война!“
И пала старая Стѣна!..
И, вотъ, взглянувъ, впервые,
Въ свои сердца,—узнали мы,
Что—братья мы, что братья мы,
Что братья мы родные!

Отпущень намъ великій грѣхъ!
И въ этотъ грозный часъ у всѣхъ:
 Душа и грудь—едина!..
И эта радость больше словъ
И пораженія враговъ
И взятія Берлина!

Отчизнѣ.

О, Россія, о, Россія,
Снова пробилъ часъ зловѣщій,
Часъ великихъ испытаній
Для тебя, моя отчизна!
Снова, снова, какъ и прежде,
Мечъ твой, вырванный изъ ноженъ,
Заключилъ союзъ со Смертью,
О, Россія, о, Россія!

И, не щуцману въ коронѣ
Повалить тебя!.. Припомни:
У воротъ своихъ ты прежде
И не этакихъ видала!
И не мало вражьихъ сабель
Обломилось съ хриплымъ лязгомъ
На груди твоей широкой,
О, Россія, о Россія!

И, опять, раскатомъ Грома,
Отзовясь на дерзкій вызовъ,
Ты схватилась за желѣзо,
Мирный плугъ швырнувъ далече!..
И да будетъ мечъ твой нынѣ
Для врага—герольдомъ смерти!
И могучіе удары,—
Какъ удары гнѣвныхъ молній!..

Знай и вѣрь.

Не падай духомъ окрыленнымъ,
Когда услышишь, что, порой,
На полѣ брани палъ со стономъ—
Смертельно раненый герой!

Но знай: какъ солнца нѣтъ безъ тѣни,
Какъ вѣчныхъ дней безъ ночи нѣтъ,—
Такъ нѣтъ побѣдъ безъ поражений
И поражений безъ побѣдъ!

И вѣрь: сквозь крепь нависшей тучи
Прорвется солнечный пожаръ!
И въ новой битвѣ врагъ получитъ—
Съ лихвой: ударомъ за ударъ!

Карусель.

(ЛУБОКЪ).

Споконь
Времень,
На вольной волѣ,
Въ неоглядномъ полѣ,
Недалече отсель,—
Стоить карусель!..

Карусель—не простая,
Карусель—расписная,
Замками затворена,
Словомъ вѣщимъ заговорена,—
Что красная дѣвица—
Стоить—не шевелится!...
— А ужъ коли пойдетъ,—
Ажно духъ замретъ!..

И, вотъ, съ вышины,
Изъ заморской страны,
Прилетѣлъ на Русь,
Чтобъ помѣряться съ нами,—
Перелетный гусь,—
Да, не простой, а—съ усами!

— «Здрассте, молъ, братцы,—
«Желательно мнѣ—
«Покататься
«На вашей спинѣ!..
«А, пока, чтобы вы не шумѣли,
«То, хотя-бы,—на той карусели!..»

— „Эй, смотри, не балуй,—
Карусели не тронь!—
Будетъ, братъ, канитель!..
— Все-же лѣзешь?!.“
— Ну, дуй!..
— Заиграла гарьмонь
И—пошла карусель!..

Гость и этакъ и такъ,
И туда и сюда,
И раскись и размякъ
Отъ невиданной прйти;
— «Полно, моль, господа,—
— «Отпустите!..—
«Я къ игрѣ потерялъ интересъ!..»

— Нѣтъ, пріятель, крѣпись!
Коли самъ ты залѣзь,
Такъ ужъ самъ и — держись!
— Здѣсь тебѣ и гульба, здѣсь тебѣ и постель!..
— Эй, вертись, карусель!...

Слабымъ.

Въ широкое поле мортиры,
Сошлись, гроыхая на пиръ!..
И смолки дрожащія лиры
Подъ дулами гнѣвныхъ мортиръ!

Разорваны древнія узы,
Кровь хлещетъ и бьетъ въ небеса!
И мечутся блѣдныя Музы
И въ ужасъ рвутъ волоса!

Напрягши послѣднія силы,
Пошелъ, наконецъ, край на край,
И—сшиблись!..

— О, другъ мой унылый,
Будь бодрымъ, будь сильнымъ и знай:
— Разсѣется мракъ непогоды,
Блеснетъ бирюзой небосклонъ,
И вновь зазвенятъ хороводы
Подъ сѣнью побѣдныхъ знаменъ!..

„Рота, впередь“!

—Грабя деревни и храмы,
Врагъ насъ на битву зоветъ...
—Ждать не заставимъ себя мы,
Рота, впередь!

Радостенъ путь нашъ кровавый!
Чу, затрещаль пулеметь?!
—Смирно!— За новою Славой—
Рота, впередь!

Падаю? Падаю?! Боже,
Чья это кровь такъ течеть?!
—Пусть я убить... Ну, такъ, что-же?
Рота, впередь!

Легенда.

Когда блеснетъ на бастіонъ,
Въ упоръ, стальнымъ дождемъ,
И хлынетъ врагъ, со всѣхъ сторонъ,
На одного—втроемъ,

Тогда, на помощь, черезъ валъ
Сраженныхъ тѣлъ,—въ огнѣ
Несется Бѣлый Генераль
На бѣломъ скакунѣ!

Подскачетъ къ дрогнувшимъ рядамъ,
Очами поведетъ,
И—горе вражымъ головамъ!
Ничто ихъ не спасетъ!

Винтовки взявъ на перевѣсь,
Сквозь стоны, ревъ и дымъ,
Какъ вѣковой, ожившій лѣсъ,
Идутъ полки за «нимъ».

Но... не понять лишь одного:
Изъ цѣлаго полка
Никто ни слова отъ «него»
Не услыхалъ пока...

И, только: къ отдыху—сигналь,
Вмигъ, таетъ въ вышинѣ
Безвѣстный Бѣлый Генераль
На призрачномъ конѣ!..

Казачья пѣсня.

— „Изъ-подъ кочекъ, изъ-подъ пней—
Лѣзеть врагъ оравой!..

— Гей, казаки,—на коней
И, айда, за славой!

— Мать, не хмурь сѣдую бровь
Провожая сына,
Ты не плачь, моя любовь,
Зоренька-дивчина!

Ты судьбинѣ не перечь
Не кручинься слезно..
— Всѣмъ придется въ землю лечь—
Рано, или поздно!

Помни,—срока своего
Смерть не проворонить,
А кому не срокъ—того
И въ бою не тронеть!

— На враговъ, чертямъ на зло,
Налетимъ мы бурей,—
Это наше ремесло—
Цѣловаться съ пулей!

— Эхъ, зудить моя рука,—
Будеть съ нѣмцемъ рубка!..
— Помолись за казака,
Бѣлая голубка!

Таесть, таесть сизый дымъ...
Ты прощай, станица,
Мы тебя не постыдимъ,
Будемъ лихо биться!

Отшвырнемъ съ родной земли
Нѣмцевъ въ ихъ берлогу,
Хоть-бы даже къ нимъ пришли
Черти на подмогу!

Пусть придутъ—среди гостей
Будеть больше крику,—
Потому что... и чертей
Мы возьмемъ на пику!

Эхъ, зудить моя рука,—
Будеть съ нѣмцемъ рубка!..
— Помолись за казака,
Бѣлая голубка.

Три богатыря.

- Илья. — Эй, други, проснитесь! Досель, въ тишинѣ
Былъ сонъ нашъ и крѣпокъ, и дологъ,
Но время пришло намъ подняться,
занѣ—
Недоброе что-то почудилось мнѣ:
Ужо не крадется-ли ворогъ?!
- Добрыня. — Сдается и мнѣ, что не даромъ гал-
дятъ
И точать мечи басурманы!..
Охъ, кровушки вдосталь напьется бу-
латъ!..
И, чуя поживу, летять на Закать.
И каркають черные враны!..
Алеша. — Да, кто-же такой сей боець-удалець?!.
Иль въ дьявола вышелъ онъ чиномъ?
Иль съ разума спятилъ заморскій при-
шлець?
Иль... мало гулялъ этотъ мечъ-кладенець
По вражьимъ макушкамъ и спинамъ?!.
Илья. — Ну, что-же?! Какъ встарь, встрѣтитъ
ворога Русь:
И внуки, чай, дѣдовъ не плоше!
За Русь стародавнюю я не боюсь!
Но, все-же, занятно: каковъ этотъ гусь?
А, ну, погляди-ка, Алеша!..

- Алеша. — Да будто... шевелится что-то вдали—
Подъ куцымъ чужимъ небосводомъ...
И видится мнѣ: изъ нѣмецкой земли
Идутъ съ бандой ратною ихъ короли,
На Русь направляясь походомъ!
- Добрыня. — А, глянь-ка, Алешенька (ты позорчѣй!),
Что въ нашемъ-то дѣется станѣ?
- Алеша. — Отъ вѣка не видѣлъ я столько мечей!
Должно наготовили тутъ калачей
Гостямъ чужеземнымъ--заранѣ!
И... хлынули вороги!.. Братцы, держись!
Ишь, сколько чертей навалило!..
Какъ два океана,—двѣ рати сошлись!
Гей, внуки, стѣной, навались! навались!
Гей, ломится вражя сила!
- Илья. — Эге, ихъ вожатый поползъ окарачь!
Должно, угощенье не сладко!
- Добрыня. — Видать, не по вкусу имъ русскій ка-
лачь!
Пошли наутекъ, горемычные, вскачь!
- Алеша. Круши ихъ! круши безъ остатка!
- Добрыня. — Теперь, дальше пекла они не уйдутъ..
- Илья. — Тьфу, что за нечистая сила?
Вновь, смрадомъ знакомымъ повѣяло
туть!
Ей-ей, не иначе, какъ турки идутъ:
Ужъ больно въ носу засвербило!
- Алеша. — И вѣрно!.. Знать, дѣло нѣмецкое—
дрянь!—
Коль кличутъ друзей на подмогу!..

Еще не отдавъ намъ послѣднюю дань,
Вновь, сослѣпу лѣзетъ турецкая рвань,
Какъ свора въ медвѣжью берлогу...
Эхъ, если-бы намъ, да присвистнуть
втроемъ

И, какъ въ стародавнее время,
На ворога грудью пойдя, напроломъ,
Крестить, да крестить-бы, во всю топоромъ
На вывертъ поганое племя!

Илья.

— Ишь, ширится какъ?! Что твой пѣ-
нистый квасъ!

Заткнись-ка, покуда, Алеша!

Еще не пришелъ подыматься намъ часъ!
А имъ по заливку дадутъ и безъ насъ:
И внуки, чай, дѣдовъ не плоше!

О, родина моя.

О, родина моя,
Великая Россія,—
Зеленая поля
И тучи грозовыя,

Немѣрный просторъ,
Веревкой обнесенный,—
Ты—ребусъ, до сихъ поръ
Никѣмъ неразрѣшенный!

И вечеромъ, и днемъ
Ты, неустанно, съ дѣтства,
Клянешь свой отчій домъ
И дѣдово наслѣдство,

И, ноя средь полей,
Глядишь на Западъ дальній!..
— И нѣтъ тебя грустнѣй!
— И нѣтъ тебя печальнѣй!..

Но только вражій конь
Покажется изъ лѣса—
Въ груди твоей—огонь,
Въ рукѣ твоей—желѣзо,

Глаза изъ-подъ бровей,
Какъ молніи изъ тучи!..
— И нѣтъ тебя страшнѣй,
— И нѣтъ тебя могуче!..

...И алая струя
Кропитъ поля родныя...
О, родина моя,
Великая Россія.

II.

„ДУМЪ = ДУМЪ“.

11

"ГМО Д = ГМО Д."

Вильгельму.

Тобой подожжены, пылають скирды хлѣба
И вся земля горитъ, какъ старый сѣноваль...
Ты кровью и свинцомъ смѣясь обрызгалъ небо
И нѣжныхъ блѣдныхъ Музъ растлилъ и раз-
стрѣлялъ.

Въ безумьи — наглъ и слѣпъ, въ надменности —
безкраенъ,
Надъ Міромъ ты занесъ разбойничій булатъ...
И шлетъ тебѣ поклонъ твой прародитель Каинъ
И руку жметъ тебѣ безумный Геростратъ!

Румынская мелодія.

1.

- Послушайте, маэстро
- Румынскаго оркестра,—
- Почтенный Братіано,—
- Отвѣтите-жъ, безъ обмана,—
- Куда васъ манить слава?
- Налѣво, иль —направо?!

— А онъ-же, ставъ на ципочки,
И, сѣя, вкось и вкривь,
Умильныя улыбочки,
Пиликаетъ на скрипочкѣ
Излюбленный мотивъ:
— „Положи-ка мнѣ, на ручку,
„Положи-ка денегъ кучку.
„Тили-тили-тимъ-тимъ“...

Послушайте маэстро,
Румынского оркестра,
Хоть Францъ кричитъ вамъ: „браво!“,
Но... вашимъ братьямъ, право,
Подъ управленіемъ Франца
Совсѣмъ ужъ не до танца!..

— А онъ-же, ставъ на ципочки,
И, сѣя, вкось и вкривь,
Умильные улыбочки,
Пиликаетъ на скрипочкѣ
Коронный свой мотивъ:
— „Положи-ка мнѣ на ручку,
„Положи-ка денегъ кучку,
«Тили-тили-тимъ-тимъ!..»

Послушайте, маэстро
Румынского оркестра,
Не пучьте-же такъ бѣльма
На щедраго Вильгельма...
Гдѣ-жъ смыслъ нейтралитета?
— Не хорошо вѣдь это!..

— А онъ-же, ставъ на ципочки,
И, сѣя, вкось и вкривь,
Умильные улыбочки,
Пиликаетъ на скрипочкѣ,
Любимый свой мотивъ:
— «Положи-ка мнѣ на ручку,
«Положи-ка денегъ кучку,
«Тили-тили-тимъ-тимъ...»

Разговоръ съ „Софіей“.

— О, Софія, о, Софія,
О, расчетливая дама,
За кружечки золотые
Продающая объяття.

— Не отвѣтите-ль вы прямо:
Отчего въ славянской рати
Вашихъ воиновъ не видно?!

— О, Софія, о, Софія,
Неужели вамъ не стыдно?

— О, Софія, о, Софія,
Вы забыли, какъ Россія
Васъ по-братски защищала
Отъ турецкаго кинжала?
Даже Плевну, о, Софія,
Вы забыли, очевидно?

— О, Софія, о, Софія,
Неужели вамъ не стыдно?
Вѣдь, поди, тогда на Шипкѣ
Было вамъ не до улыбки?
А ремней изъ вашей шкурки
Не вырѣзывали турки?

— О, Софія, о, Софія,
Ну, скажите, гдѣ-бъ вы были
И годились бы куда,—
Если-бъ, крякнувъ отъ усилій,
Ихъ за шиворотъ Россія
Не схватила бы тогда?

— О, Софія, о, Софія,
О, расчетливая дама,
За кружечки золотые
Продающая объяття.
Не отвѣтите-ль вы прямо:
Отчего въ славянской рати
Вашихъ воиновъ не видно?
Есть причины? Но—какія?..
— О, Софія, о, Софія,—
Неужели вамъ не стыдно?
Есть-ли совѣсть-то у васъ?..

И отвѣтила Софія:

— «Вас ис дас?»

Разборный нѣмецъ.

Ганць-Амалія фонъ-Кнаббе—
Уроженецъ Кенигсберга,
Сорока двухъ лѣтъ отъ роду,
Безъ особенныхъ примѣтъ.

Онъ не лучше и не хуже
Тѣхъ семидести миллионъ,
Что усердно поливають
Свѣтлымъ пивомъ фатерляндъ.

А, чтобъ не было сомнѣній
Въ томъ, что онъ германецъ истый—
На спинѣ его сіяетъ:
Made in Germany клеймо.

Всѣ солиднѣйшія фирмы
Для успѣшныхъ оборотовъ
Высылаютъ преискуранты
Съ образцами ихъ работъ...

Ганць-Амалія фон-Кнаббе—
Это маленькій образчикъ
Изъ каталога издѣлій
Фирмы:— „Дэйчландъ унд-Вильгельмъ“.

Потому его, немедля
Мы внимательно рассмотрим
И по косточкамъ, детально,
Такъ и эдакъ разберемъ:

— Кто такой онъ, этотъ самый—
Ганць-Амалія фон-Кнаббе?
— Что въ немъ скрыто? И, при этомъ,—
Какова ему цѣна?

Мы начнемъ обзоръ, конечно,
Съ самой высшей точки Ганца
(Выражаясь фигурально)
Ну, (а, просто) съ головы.

Въ этомъ высшемъ учрежденъи—
Мѣстожительствѣ мечтаній—
У фонъ-Кнаббе, какъ ни странно,—
— Складъ росписокъ и счетовъ:

— Счетъ отъ прачки, старый вексель,
И четырнадцать патентовъ
На „пилюли отъ запора“...
Ну, а больше — ничего.

Если-жъ спустимся пониже
И заглянемъ въ грудь фонъ-Кнаббе,
То увидимъ въ этомъ мѣстѣ—
Небольшой ассортиментъ:

— Граммофонную пластинку—
(„Дэчландъ, Дэчландъ юберъ аллесъ“).
И зарядъ запасныхъ „Носч'овъ“
Для стрѣльбы изъ пугача.

Полѣвъе, тамъ гдѣ сердце,
У фон-Кнаббе нѣту сердца. .
Вмѣсто онаго предмета—
Тамъ внушительный «Гросс-бух»...

Онъ ведется аккуратно.
Вотъ, хотя-бы для примѣра:
— «Дебетъ: 8 поцѣлуевъ,
«Кредитъ: «Порція котлетъ».

Впрочемъ, рядомъ съ этимъ счетомъ,
Межъ страницъ невинно чахнутъ:
Локонъ нѣкой Каролинхень
И засушенный цвѣтокъ.

А еще немного ниже
Въ животѣ у Ганца—ясно
Видны: шесть бутылокъ пива
И два фунта колбасы.

Вотъ и весь какъ на ладони,
Ганць-Амаліи фон-Кнаббе,—
«Made in Germany»... Но, Впрочемъ,
Гдѣ-же Ганцова душа?

— Окруженная болотомъ
И покрытая броней,
Каждымъ нѣмцемъ очень рьяно
Охраняется она...

Потому, что въ ней, отъ вѣка,
За двѣнадцатью замками,
Проживаетъ безмятежно—
Голый, черный готтентотъ...

— «Но позвольте», мнѣ отвѣтятъ,
«Гетте, Шиллеръ, Кантъ и Ницше
«Тоже были нѣмцы родомъ»...

-- Да, конечно... Ну и, что жъ?

— Гете, Шиллеръ, Кантъ и Ницше—
Говорили по нѣмецки,
Но мечтали и писали—
На нарѣчи боговъ...

Величайшій-же изъ нѣмцевъ
Назывался «Генрихъ Гейне»,—
Жилъ изгнанникомъ въ Парижѣ
И, при этомъ былъ еврей.

Слово и дѣло.

Этотъ круглый человѣчекъ,
Коль взглянуть со стороны, —
Безобиднѣе овечекъ,
И бѣлѣе бѣлизны!..

Каждый день, при каждой встрѣчѣ,
Онъ сперва топорщитъ плечи:
— „Не моя, молъ, тутъ вина!..“
И, прищурившись лукаво,
Начинаетъ:

— „А... Варшава,
Двѣ недѣли какъ сдана!..

— Вообще, дѣлишки — плохи!..
Нѣмцы, знаете, — пройдохи.
Дьяволъ всѣхъ ихъ забодай!..
— Какъ ни плохо, будетъ хуже,
Потому что намъ, къ тому-же,
Объявилъ войну... Китай!!!...

А на-дняхъ, по просьбѣ Франца,
Встанутъ всѣ американцы, —
Такъ миллиончиковъ до трехъ!..
— Эта старая ворона —
Дядя ихняго Вильсона!..
— Что-то будетъ?!.. О-о-охъ!!!“.

— Господа, давайте, снова,
Мы дадимъ другъ другу слово,
Что, при первой встрѣчѣ съ нимъ,
Возвратимся духомъ нашимъ
Къ временамъ давно погасшимъ—
Къ страшнымъ прадѣдамъ своимъ!

И, по дѣдовски, на мѣстѣ,
Проучить его, по чести,
По системѣ вѣковой:
— Взявъ за шиворотъ тихонько,
Потрясти его легонько,
И — объ стѣнку головой!
— „Полно, молъ, скулить тебѣ-то!
Полно прыгать, что блоха!..“

И простится вамъ за это—
Сразу — тридцать три грѣха!..

На крыльяхъ Икара.

Къ землѣ прикованный, отъ вѣка
Тянулся къ Солнцу Человѣкъ...
И какъ прекрасенъ былъ набѣгъ—
Набѣгъ на Солнце Человѣка!..

И, каждой ночью, Цеппелины,
Подкравшись къ городу тайкомъ,
Плюютъ расплавленнымъ плевкомъ
На задремавшія долины...
И храмы въ тягостномъ безсильи
Склоняютъ главы подъ ударъ...

— Вотъ, для чего пошли, Икаръ
Твои окрѣпнувшія крылья!..

Шуми и плъсъкъ
Качай мемя, качай

III.

— Умижу ль жива я, остана ли
Тебя, родимый край!

П Ъ С Н И.

Остал ли отряхнувши
И отряхнувши
На западъ, концы холма, на
Дорожку чужу

Миряте хребтарь, слыно
Барыня брала фонтанъ
— Познавъ тебѣ, слыно
Бездомный воевъ

И скоро, скоро тамъ, въ
Сверкнувъ съ верховъ, слыно
Горендолерну бурею
Салкъ свать хоронъ

Та жонъ, слыно, слыно
— Ну, что же, слыно
Вамъ же слыно, слыно
Слыно слыно

III. Кривая Нера.

III

Кривая Нера, изображенная на рисунке
показывает, что при изменении
температуры от 0 до 100°С
плотность воды изменяется
следующим образом:

В точке максимума, соответствующей
температуре 4°С, плотность воды
достигает своего максимума
и равна 1 г/см³.
В точке минимума, соответствующей
температуре 0°С, плотность воды
равна 0 г/см³.

Весь этот процесс, происходящий
при охлаждении воды, называется
«замерзанием».

Пѣсня моряка.

Шуми и пѣнься, океанъ,
Качай меня, качай!..
— Увижу-ль вновь я, сквозь туманъ,
Тебя, родимый край?!

Остался берегъ за кормой
И отгремѣлъ салютъ,
На западъ, полнымъ ходомъ, въ бой
Дрѣдноуты идутъ.

Ныряетъ крейсеръ, словно въюнь,
Взрывая брызгъ фонтанъ...
— Привѣтъ тебѣ, сѣдой ворчунъ,
Безбрежный океанъ!

И скоро, скоро тамъ, изъ тьмы
Сверкнувъ съ бортовъ, огнемъ,—
Гогенцоллерну будемъ мы—
Салютовать ядромъ!..

Ты золь, сегодня, чертъ возьми?..
— Ну, что-же, старина,—
Вали во всю!.. — Шуми, шуми,
Зеленая волна!

Нѣтъ, нѣтъ, не дрогнетъ грудь моя!
Ревя, бурля сильнѣй,—
Мнѣ не впервой!—Не мало я
Избороздилъ морей!

— Шуми и пѣнься, океанъ,
Качай меня, качай!..
— Увижу-ль вновь, я, сквозь туманъ,
Тебя, родимый край?!

Не убѣжить теперь отъ насъ
Каперствующій врагъ!
И новой славой, въ грозный часъ
Мы обовьемъ нашъ флагъ!

А если мнѣ не суждено
Остаться средь живыхъ,—
Ну, что-жь?—тогда пойду... на дно
И больше никакихъ!..

Вздохъ сожалѣнья здѣсь нелѣпъ!—
Не надо жалкихъ словъ!—
Вѣдь океанъ—фамильный склепъ
Отважныхъ моряковъ!

Шуми и пѣнься, океанъ,
Качай меня, качай!..
— Увижу-ль, вновь, я, сквозь туманъ,
Тебя, родимый край?!

Ванька — парень.

У Ваньки парня—полонъ ротъ
Заботь!.. Но все-жъ, порой,
Коль позовешь,—сейчасъ придетъ!
(Сговорчивый такой!..):

— Эй, Вань, лихая жизнь твоя,
Куснемъ по пирогу?”

— „Ну, что-жъ, пойдёмъ!.. Коль надо—я
И погулять могу!”

— „Эй, Ванька, гдѣ-же ты увязъ?
Аль ловишь пятаки?!”

— Тамъ, за деревней, нынче,—плясъ,
Ажъ лапти—на куски!

— Смотри, какъ милая твоя
Топочеть на лугу!...”

— Ну, что-жъ, пойдёмъ... Коль надо—я
И поплясать могу!”

— Эй, Ванька, слышь: ночной порой
Къ намъ гости принеслись?!”

— А ну-ка, Ваня,—встань горой!
А ну-ка, развернись!

Ужъ больно родина твоя

Понравилась врагу!...”

— „Ну, что-жъ, пойдёмъ!.. Коль надо—я
И умереть могу!”

Пѣсня храбрыхъ.

Какъ прекрасно это Солнце,—
Золотая сказка неба,
Пѣсня Пламени и Свѣта!..
— Какъ прекрасно это Солнце!

Какъ прекрасны эти розы,—
Закатившіяся звѣзды,
Зацѣлованныя Солнцемъ!..
— Какъ прекрасны эти розы!..

Какъ прекрасно это море,—
Въ неразгаданную бездну
Опрокинутое небо!..
— Какъ прекрасно это море!..

Какъ прекрасны эти пѣсни,
Что звенять родимой грустью—
Тихой ночью, за рѣкою!..
— Какъ прекрасны эти пѣсни!..

Какъ прекрасны эти очи!
Въ нихъ—и солнце, въ нихъ и пѣсни,
Въ нихъ и звѣзды, въ нихъ и море!..
— Какъ прекрасны эти очи!..

— Но смерть за отчизну—прекраснѣй всего!

Пѣсня ополченцевъ.

Затрубилъ горнисть, сзывая
Армію на бой...

— Ты зачѣмъ, воронья стая,
Кружишь надо мной?!

• Смерть стоитъ на караулѣ!..

Выйдешь невпопадъ,—

Поцѣлуешь въ губы пуля

И—прощай, солдатъ!..

— Эй, гей, нѣтъ, врешь:

Жизнь—копѣйка, счастье—грошъ!

Сами мы съ усами!..

Эй, гей,

Веселѣй

Топочи ногами!..

— Коли выйдетъ намъ приказъ—

Дьявола добудемъ!..

— Ну, а смерть придетъ—всѣ въ разъ

Помирать мы будемъ!

Отдается въ сердцѣ грозно
Крикъ вороньихъ стай...
Тамъ, вдали, подъ небомъ звѣзднымъ,
Спать родимый край...
Но не спать, всю ночь вздыхая,
Милая моя...
— Эхъ, дождешься-ль, дорогая,
Снова ты меня?!

— Эй, гей, нѣтъ, врешь:
Жизнь—копѣйка, счастье—грошъ!
Сами мы съ усами!..
Эй, гей,
Веселѣй
Топочи ногами!..
— Коли выйдетъ намъ приказъ,—
Дьявола добудемъ!..
— Ну, а смерть придетъ,—всѣ въ разъ—
Помирать мы будетъ!

Пѣсня бельгійскаго барабанщика.

Я беру барабанъ и, подь градомъ свинца,
Барабаню въ родныя сердца:

— „На враговъ, На враговъ!“ Эй, греми барабанъ,
Барабанъ! Барабанъ! Барабанъ!

Всюду нѣмцы и нѣмцы, куда ни взгляни!
Даже сыплются съ неба они!..

Но чтобъ насъ одолѣла-бы вражья орда!
Никогда! Никогда! Никогда!

Тамъ, за мною, стѣной стали наши полки!
Есть у нихъ и картечь и штыки...

Ну, а мнѣ командиромъ всего только данъ;
Барабанъ! Барабанъ! Барабанъ!

Я не жалуюсь вовсе на долю свою!

Я всегда впереди! И въ бою

Съ барабаномъ вдвоемъ мы все войско ведемъ—
Напроломъ! Напроломъ! Напроломъ!

И впередъ и впередъ неустанно зоветь,
Черезъ фугасы и топи болотъ

Ураганную армію мой барабанъ.

Барабанъ! Барабанъ! Барабанъ!

Хоть и рявкают пушки: „Мы все сокрушимъ!“
Но, сравнивъ съ барабаномъ моимъ,—
Не годятся всѣ вмѣстѣ онѣ никуда,
Ерунда! Ерунда! Ерунда!

Жмутся пушки трусливо за сотни шаговъ,
Схоронясь подъ прикрытьемъ валовъ!..
Но... отыщеть въ атакѣ ихъ мой барабанъ.
Барабанъ! Барабанъ! Барабанъ!

Я, недавно, наткнулся на пулю... и вотъ,—
Кровь, лишь только, немного течеть!
Тра-та-та, потечеть и пройдетъ!.. Пустяки!
Пустяки! Пустяки! Пустяки!

До побѣды солдату нельзя умирать!..
А умру? Ну такъ что-жь? Наплевать!
Кто-нибудь изъ живыхъ мой возьметъ барабанъ,
Барабанъ! Барабанъ! Барабанъ!

— Кто сказалъ, что я—маль?!—Не сержусь на дружка!
Пусть въ груди у меня—два вершка,—
Хватить мѣста для пули въ ней и для креста!
Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та!

„Думка іонтека“.

У моей красы дивчины—
Брови—двѣ дуги,
Губы Гали, что малина,
Очи—васильки!

— Но... вломились въ хату швабы!

— Руки дѣвичьи—такъ слабы!..

Ой, Галина,

Ой, дивчина,

Въ чемъ вина твоя?!

— Спи въ гробу, моя дивчина,

Спи, любовь моя!

А давно-ль я ей до ночи

Пѣсни напѣвалъ,

И глядѣлъ ей въ ясны очи,

И „невѣстой“ звалъ?!

И, кругомъ неудержимо,

Пѣли соловьи:

— Объ очахъ моей любимой,

О моей любви..

Но... тѣ пѣсни отзвучали!

И—нѣтъ больше нѣжной Гали!..—

— Польша! Польша! Край родимый,—

Плаваетъ въ крови!

Гдѣ водили плясъ дивчины,—
Нынче—плачь и стонъ,
— Гдѣ былъ рокоть соловьиный,—
— Карканье воронъ!
Тамъ, гдѣ прежде расцвѣтали
Синіе цвѣты,—
Тамъ теперь стоятъ въ печали
Черные кресты!
— Галю-жъ ночью взяли швабы!..
— Руки дѣвичьи такъ слабы
 Ой, Галина,
 Ой, дивчина,
Въ чемъ вина твоя?!.
— Спи въ гробу, моя дивчина,
Спи любовь моя!

Черногорская пѣсня.

Нась мало! Нась мало! Но мы, вѣдь,—славяне,—
Сородичи горныхъ орловъ!

— А, какъ мы зовемся? О томъ въ назиданье,
Спросите у нашихъ враговъ!

— Пусть, нынче, у насъ противъ вражескихъ пушекъ,
Остались одни топоры,—

— Не мало валяется вражьихъ макушекъ
Въ разсѣлинахъ Черной Горы!

И пусть, снова, лѣзуть австрійцы толпами,—
На каждого—десять!..

— О, да,—

Нась могутъ осилить, но сдѣлать рабами—
О, нѣтъ, никогда! Никогда!

Бельгійская колыбельная.

Мальчикъ, раскинувшись сладко,
Спитъ и голодень и сирь...

Тихо качаютъ кроватку
Залпы германскихъ мортирь...

Нѣтъ, я тебя не покину,
Бѣдный послѣдышъ... И, вотъ,
Мама послѣдному сыну
Новую пѣсню споеть:

— „Кровью текутъ наши рѣчки
Кровью обрызгана высь, —

Пушки не знаютъ осѣчки!..

— Мальчикъ, мой милый; — проснись!

Врагъ запрудилъ всѣ равнины!..

И, сквозь великую боль,

Гордо взрываетъ плотины

Блѣдный и грустный король!

Боже, Великій и Правый,
Къ Бельгii будь милосердь,
И увѣнчай вѣчной славой
Новое имя: „Альбертъ“.

— Нѣтъ, не цѣлуй ненаглядный,
Маму!.. — Корсажъ мой измятъ!..
— Ахъ, какъ безжалостно жадны
Губы нѣмецкихъ солдатъ!

— Пусть наши воины — пали!..
— Чтобъ отразить вражью рать —
Чудишь изъ камня и стали
Женщины будутъ рожать!

И, чтобы съ нѣмцами биться
Было сынамъ веселѣй, —
— Вскормятъ сосцами волчицы
Матери гнѣвныхъ дѣтей!

— Мщеніе! Мщеніе! Мщенье!
Въ сердцѣ нѣтъ звуковъ иныхъ!..
— Пламя на вражьи селенья!
Горы на головы ихъ!..

— Будь безпощаденъ и бѣшенъ!..
— Развѣ ты смѣешь прощать, —
Если отецъ твой... повѣшенъ
И... обезчещена мать!

IV.

„СМѢХЪ“.

Въ защиту смѣха.

— «Какъ вамъ не стыдно смѣяться
въ это время?..»

(Изъ разговора).

^ (Монологъ паяца).

Я—Смѣхъ, веселый, звонкій Смѣхъ,—
Любимый сынъ Весны и Солнца,—
Бросаю щедро—всѣмъ для всѣхъ,—
Смѣшинокъ звонкіе червонцы!..

И хоть со дня рожденья я
Ношу смѣшной костюмъ паяца,—
Но все-же многіе меня
И ненавидятъ, и боятся!

Ханжи, лакеи и глупцы
Не могутъ мнѣ внимать безъ дрожи...
— Да, у меня есть—бубенцы,
Но у меня и хлысть есть тоже!..

И гномовъ, и богатырей,
Колю я шутками упрямо...
И... неизвѣстно, что острѣй:
Мечъ палача иль эпиграмма?..

— Но что я слышу? Вотъ те-на?—
Тамъ, снизу, кто-то шепчетъ злобно,
— Что, моль, „бываютъ времена,—
Когда смѣяться—неудобно?!“

Шипѣнью злобному въ отвѣтъ
Я афоризмъ швырну ходячій:
— „Спаси насъ, Богъ, отъ всякихъ бѣдъ,—
Отъ ханжества-же наипаче!..“

Баллада.

Трубятъ рога, ореть народъ,
Скандалъ на всю страну!..
— Баронъ Конрадъ фонъ Бутербродъ—
Собрался на войну.

И тщетно вѣрная жена
Кричитъ ему во слѣдъ.
— „Баронъ, куда вы? Вотъ—те-на,
„Остынетъ вѣдь обѣдъ!..“

Баронъ бурчитъ сердито: „Кишь!
„Не до тебя совсѣмъ!
„Я ѣду экстренно въ Парижъ,
„Тамъ, кстати, и поѣмъ!“

— „Баронъ Конрадъ, Баронъ Конрадъ,
„Умѣрьте вашу прыть...“

— „Баронъ Конрадъ, баронъ Конрадъ,
„А съ ужиномъ какъ быть?“

— „И ужинъ будетъ—первый сортъ!
„Варшава-то на что?“

— „Эй, Фриць, живѣе, старый чертъ,
„Поддай-ка мнѣ пальто!“

И, вотъ, вскочивши на коня,
Въ бой тронулся баронъ,
Поклявшись небомъ: въ два-три дня
Весь міръ забрать въ полонъ!

Слуга барона—старый Фрицъ,
Съѣлъ задомъ напередъ,
Вздыхнулъ одинъ за десять лицъ
И, тоже, маршъ въ походъ.

Быль дологъ путь... Но, вотъ, вдали—
Виднѣется Парижъ...

— „А ну-ка, старый Фрицъ, вали,—
„Поддержимъ свой престижъ!..“

— Баронъ Конрадъ, баронъ Конрадъ,
Ну можно-ль падать такъ?
Баронъ Конрадъ, баронъ Конрадъ,
У васъ на лбу—синякъ!

Баронъ потеръ разбитый лобъ,
Съѣлъ черствый пирожокъ,
Привелъ въ порядокъ гардеробъ
И, hor-la, на Востокъ...

Быль дологъ путь... Но, вотъ, вдали,
Виднѣется редуть.

— „Варшава?! Ну-ка, Фрицъ, вали—
„Поужинаемъ тутъ!“

— Баронъ Конрадъ, баронъ Конрадъ,
Опять баронъ въ бѣдѣ?!

— Баронъ Конрадъ, Баронъ Конрадъ,
А зубы ваши гдѣ?

И дни и ночи, напролетъ,
У Нѣмана-рѣки—
Баронъ Конрадъ фонъ Бутербродъ
Считаетъ синяки.

А дома охаетъ жена...
Судьба ея горька:
— Взамѣнъ обѣда ѣстъ она—
Военный хлѣбъ „Ка-ка...“

Баронъ Конрадъ, баронъ Конрадъ,
Тю-тю, мечты... увы!..
— Баронъ Конрадъ, баронъ Конрадъ,
Сидѣли-бъ дома вы!

Туда и обратно.

Изъ Дрездена города
Бодро и молодо
Двинулся въ дальній походъ
Саксонскій народъ.

— Погляди,—

— Впереди:

Въ „Носч'омъ въ каждой груди—
Выступаютъ отборные хваты—
Солдаты, солдаты, солдаты...

За ними, въ порядкѣ,
Двѣ бойкихъ лошадки,
Прижавши къ макушкѣ
Капризные ушки,
Везутъ дальнобойныя пушки...

За ними—сверхъ мѣры,—
Несутся курьеры,
Летятъ адъютанты,
Гремятъ музыканты,
Слегка обветшалы,
Спѣшатъ генералы,
И мчатся, набравшись сверхъ смѣты,
Кареты, кареты, кареты...

— Въ передней каретѣ—
Какія-то дѣти,
За ними: ихъ мамы—
Придворныя дамы,
За мамами—шляпы
За шляпами—папы,
Немножечко сзади—
Ихъ тети и дяди,
Кузины, кузены,
Блондины, шатены,
Гофмаршалы,
Маршалы,
8 министровъ,
105 бургомистровъ
И прочихъ персонъ—800.
— Все очень сановный народъ!

Всѣхъ сзади, при факельномъ свѣтѣ,
Торжественно ѣдутъ въ каретѣ:
Четыре картонки,
Двѣ старыхъ болонки
И, выбравшій новую роль, —
— Саксонскій король!

И, къ новой готовясь программѣ,
Кричитъ онъ, стуча каблуками:
— «Да, ну, поспѣшайте-ка, братцы,—
«Мнѣ польской короной,
«Въ Варшавѣ плѣненной,
«Желательно короноваться!..
«И зная, что я прямо въ „крули“ къ нимъ
мѣчу,
«Поляки готовятъ мнѣ пышную встрѣчу,
«—Живѣе, живѣе, въ Варшаву, въ Варшаву!..
«—Вонъ, скачутъ съ дарами гонцы на ко-
няхъ!..

— Дѣйствительно, встрѣтили „круля“ на славу:
— Бумъ! Трахъ! Трахъ!!!

— Эй, гости, постойте! Куда вы? Куда вы?..
— И вотъ, отъ Варшавы,
Черезъ пни и канавы,
Несутся они, безъ оглядки,
Но только... въ обратномъ порядкѣ...

— Погляди,—
Впереди:
Удирають вожди,
Позади—
Вперегонки—
Несутся: болонки,
Придворныя дамы,
Ихъ папы и мамы,
Кузины, кузены,
Блондины, шатены,
Гофмаршалы,
Маршалы,
8 министровъ,
105 бургомистровъ,
Совсѣмъ обветшалы,
Спѣшать генералы,
Летятъ адъютанты,
Летятъ музыканты,
И, словно взаправду—крылаты,—
— Солдаты, солдаты, солдаты...

Но, всѣхъ впереди,
Погляди.—
— Позабывъ про мозоль,
Черезъ пни и кувалды,
Лупить рысью саксонскій король,
Подобравъ королевскія фалды.

Гуго оберъ-лейтенантъ.

Поправляя аксельбантъ
И махая шпагой,
Гуго оберъ-лейтенантъ
Говориль съ отвагой:

— «Hoch, Germania!—Вотще
Хныкать, фрейленъ Мицци,—
— Я не сдамся!..—Вообще--
—«Veni, vidi, vici!»

Этихъ русскихъ дикарей
Мы побьемъ на славу!..
— Въ три минуты; ейн, цвей, дрей—
Заберемъ Варшаву»...

— Пули свищуть и ревуть...
— Видить Гуго—«туго»...
— И взмахнулъ платочкомъ тутъ—
Деликатный Гуго...

— Такъ, иль этакъ, иль не такъ,
Но, не безъ таланта,
Взялъ за шиворотъ казакъ
Оберъ-лейтенанта...

И дѣвицѣ въ фатерландѣ,
Тотчасъ, къ вящей славы,
Пишетъ Гуго лейтенантъ:
— «Вотъ, я и — въ Варшавѣ!».

„Сказочка о двухъ игрушечныхъ солдатахъ“.

Прологъ.

Голосъ

Вотъ, стоятъ молодецкато
Два игрушечныхъ солдата...
Одинъ—не простой,—
Заводной,
Берлинской работы...
Хоть вѣситъ два лота,
Зато, погляди, что за видъ?
— Лакомъ покрытъ,
Головой киваетъ,
Глазами мигаетъ,
Руками двигаетъ,
Ногами дрыгаетъ,
А заведешь—прыгаетъ...
— А другой—
Простой,
Кустарной работы...
— Взгляни на него ты:
Людей не дивить,
Лакомъ не крытъ
И родомъ (всего достовѣрнѣе)
Изъ Курской губерніи...

(Уголокъ дѣтской. Всѣ предметы пропорціонально увеличены. Тамъ и тутъ разбросаны коробки, въ коробкахъ спрятаны персоражи. Полусвѣтъ. Одна коробка открывается, изъ нее выскакиваютъ пруссакъ и австріецъ, поворачиваютъ штепсель, сцена освѣщается).

Пруссакъ и
австріецъ

(подбѣгаютъ къ коробкѣ
съ итальянкою, сту-
чатся)

— „Тукъ-тукъ...”

Голосъ Италья-
ночки

— Кто тамъ?

Пруссакъ и
австріякъ

— Откройте намъ...

Здѣсь я—пруссакъ

И—австріякъ

Оба

Намъ видѣть васъ, немедля, надо...

Итальяночка

— Я очень рада...

(выскакиваетъ)

Пруссакъ

Ну-ка, старецъ Франецъ,

Начинай-ка танецъ.

Оба

Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Говоримъ безъ лести:

Любимъ васъ мы вмѣстѣ,

Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Итальяночка

— Время вѣдь ночное...

Пруссакъ

— Ну и что-жъ такое?

Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Итальяночка

— Мы вѣдь спать мѣшаемъ...

Пруссакъ

Ну и пусть мѣшаемъ.

Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Итальяночка

Охъ, не безъ изъянца

Граціозность Франца.

Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Австріякъ

— Очень извиняюсь,—

— Какъ могу—стараюсь.

Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Итальяночка

— Вы мнѣ, милый Вилли,—

Ногу отдавили.

Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Пруссакъ — Пустяки какіе.
 — Это-жь не впервые.
 Разъ, два, три. Разъ, два, три.
 Австріякъ Ффу... Довольно... Крышка...
 У меня—одышка...
 Разъ... два... три... Разъ... два... три...

(Русскій, Англичанинъ, Французенка, Сербъ, Бельгіецъ и Японецъ выглядывая изъ своихъ коробокъ, кричатъ).

— Что за толотъ? Что за гамъ?
 — Спать мѣшаете вы намъ!..
 Итальяночка — Вотъ, дождались вы скандала...
 Я вѣдь васъ предупреждала.
 (прячется въ свою коробку)

Пруссакъ — Ну и что-же?—Ерунда.
 — Безъ особаго труда,—
 Отъ подваловъ вплоть до крышь—
 Разнесу въ моментъ Парижъ.
 — Ну, а Францъ возьметъ Бѣлградъ...
 Австріякъ — Я—то взять его-бы радъ...
 Ну, а, вдругъ, мнѣ, на бѣду,—
 Всыпятъ?..

Пруссакъ Что-о?..
 Австріякъ — Иду... Иду...

Пруссакъ (маршируя) — Лѣвой, правой
 Маршъ за славою.
 Разъ-два. Разъ-два.
 Я—въ Парижъ
 — Францъ, пиши-же.
 Разъ-два. Разъ-два.

Англичанинъ — Ишь, какъ весело поетъ?..
 — Ну-ка, гдѣ тутъ Виллинъ флотъ?

(Ловить скачкомъ германскія суда. Посерединѣ сцены опускается занавѣска, закрывая англичанина, японца, французенку, бельгіца и ушедшаго къ нимъ пруссака).

Голосъ
пруссакъ

— Это развѣ не Парижъ?
Ты мнѣ правду говоришь?
Гдѣ-жъ Парижъ-то? Гдѣ-жъ онъ?
Гдѣ-жъ?

Голосъ
бельгійца

— Онъ—подальше. Это—Льежъ...

(Выстрѣлы).

Австріякъ

— Отчего-бы, напрімѣръ-бы
Не побить взаправду серба?
— Трухъ-трухъ, на Бѣлградъ,
Шагъ—впередъ, два—назадъ.
— Если сербъ дерется скверно,
Вздую серба я навѣрно...
Трухъ-трухъ, на Бѣлградъ,
Шагъ—впередъ, два—назадъ.

(подходить къ сербской коробочкѣ)

Я привелъ австрійцевъ тьму,
Всѣхъ насъ тутъ не перечесть...

— Оттого и потому

Я тебя желаю съѣсть.

— Слушай первый мой приказъ:

— „Твой Бѣлградъ — не твой, а—
мой“.

(Пружинный кулакъ, неожиданно выскакивая изъ коробочки, бьетъ австріяка по носу).

Сербъ

— Рразъ!!!

Австріякъ
(падая)

— Ой!

Козакъ

Тыкаль, тыкаль носомъ сизымъ,
Анъ—коробочка съ сюрпризомъ!

Пруссакъ

(возвращаясь уныло, под-
ходить къ австріяку)

— Эй, вставай-ты, близокъ врагъ.

Австріякъ

— Я—сдаюсь... вотъ, бѣлый флагъ.

Пруссакъ

— Это—я, союзникъ Вилли...

- Австріякъ — Эге-ге... и васъ — побили?..
 (оборачиваясь)
 Пруссакъ Это... я... того... я самъ...
 Поскользнулся, знаешь, тамъ...
 Австріякъ — Гдѣ-же это васъ?—Въ Парижѣ?
 Пруссакъ — Нѣтъ... поближе...
 Австріякъ — Гдѣ-же?
 Пруссакъ — Въ Льежѣ.
 Австріякъ — Что-же дѣлать намъ теперь?
 Пруссакъ — Стукнемъ, снова, къ милой въ
 дверь.

(Снова подходятъ къ итальянской коробочкѣ).

- Оба — Тукъ-тукъ!
 Голось
 итальяночки — Кто тамъ?
 Оба — Откройте намъ...
 Пруссакъ — Здѣсь я—пруссакъ
 Австріякъ И—австріякъ...
 Оба О, выйди, выйди на свиданье...
 Итальяночка — Нѣтъ-съ, досвиданья.
 Австріякъ — Тю-тю, нѣтъ больше итальянки...
 Пруссакъ — Ну, что-жъ? Пойдемъ тогда къ
 турчанкѣ

(подходятъ къ турецкой коробочкѣ).

- Тукъ-тукъ...
 Голось — Кто тамъ?
 Оба — Откройте намъ.
 Пруссакъ — Здѣсь я—пруссакъ
 Австріякъ — И—австріякъ...
 Оба — Стоимъ вдвоемъ у вратъ Царь-
 града...
 Турчанка — А что вамъ надо?
 Пруссакъ — Сказать два слова...
 Австріякъ — Мы хотѣли
 Поговорить о важномъ дѣлѣ...
 Пруссакъ — Ахъ, не смотрите-же такъ хмуро...

- Турчанка — Не вѣрю я словамъ гяура...
 Пруссакъ Мнѣ очень больно слышать это,
 Вѣдь я-же—правнукъ Магомета...
- Турчанка — Да неужели?
 Пруссакъ — Въ самомъ дѣлѣ.
 Австріякъ — Взгляните пристальнѣй въ него:
 Что—рыжій онъ—то ничего.
 Зато онъ мѣтитъ прямо въ рай
 И, какъ его не угощай,—
 Сосисокъ ввѣкъ не будетъ кушать...
- Турчанка — Тогда я васъ готова слушать...
 Пруссакъ — Аллахъ Абкеръ, Аллахъ Керимъ.
 Все въ мірѣ—прахъ, все въ мірѣ—
 дымъ,
 Но все-жъ давайте-ка, втроемъ,—
 Весь міръ себѣ мы заберемъ?..
 Вотъ, на примѣръ,
 (Аллахъ Абкеръ).
 Мы вамъ дадимъ—
 Кавказъ и Крымъ
 (Аллахъ Керимъ)
- Турчанка — Какъ говорите вы прекрасно...
 Взять Крымъ съ Кавказомъ я со-
 гласна.
- Пруссакъ — Эй, Францъ, смотри: хоть разъ
 не струсъ.
 — Итакъ, идемъ втроемъ на Русь.
 (Маршируютъ).
 Лѣвой, правой—
 Маршъ за славой.
 Разъ-два. Разъ-два.
 Францъ, старайся—
 Не шатайся.
 Разъ-два. Разъ-два.

(Подходятъ къ русской коробочкѣ).

Пруссакъ Какъ ни глянь, со всѣхъ сторонъ,—
 — Чѣмъ я не Наполеонъ?..
 Австріякъ — Ну-какъ вылитый!..
 Козакъ — Ну-ну,
 (въ сторону) Сыпь, дружокъ, въ Березину.
 Пруссакъ Ну-ка, гаркнемъ, что-ли, къ слову:
 Всѣ трое Дэйчландъ, Дэйчландъ юберъ аллесь!
 Козакъ Вы-бы, братцы, уби-рались
 По добру, да по здорову.
 Пруссакъ — Что такое? Я—пруссакъ,
 Предо мной трепещеть всякъ.
 И усами я клянусь:
 Разгромлю, немедля, Русь.
 Козакъ — А я, вотъ, тебя не боюсь.
 (хладнокровно)
 Турчанка Я-же родомъ изъ Царьграда,
 Мнѣ Кавказъ ужасно надо..
 Дай Кавказъ мнѣ, иль, клянусь,—
 Разгромлю, немедля, Русь..
 Козакъ — А я, вотъ тебя не боюсь.
 Австріякъ Ну, а я-же—австріякъ.
 — Не смотри на мой синякъ,
 Я, ухъ,—страшный!.. И, клянусь,
 Разгромлю, немедля, Русь.
 Козакъ — А я, вотъ тебя не боюсь.
 Австріякъ — А вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ
 (турчанкѣ) Насъ нисколько не боится..
 Турчанка — Охъ, какъ зубы заболѣли..
 Австріякъ — Охъ, какъ ломить въ поясницѣ..
 (козаку) Гм... простите... гдѣ-же тутъ..
 Гдѣ у васъ... тутъ.. въ плѣнъ бе-
 руть?..

Козакъ — Лѣзьте
 (показывая на коробку) Вмѣстѣ!
 Австріякъ и — О, мерси.
 турчанка (влѣзая)

Козакъ
Пруссакъ

— Хватить мѣста на Руси.
Послушай, козакъ, не губи ты себя,—
Сдавайся мнѣ въ плѣнъ, я вѣдь
крѣпче тебя.

Ты вѣдь—простой,
А я—заводной.
— Посмотри, что за видъ:
Лакомъ крытъ,
Головой киваю,
Глазами мигаю,
Руками двигаю,
Ногами дрыгаю,
И даже прыгаю...

И тамъ и тутъ заклепки,
Все—винтики, да кнопки...

(маршируетъ)

Голосъ

Вотъ, смотри,—
Разъ, два, три. Разъ, два, три.

Вертѣлся пруссакъ
И этакъ и такъ
И вдругъ «кракъ»,—
Пружинка лопнула,
Внутри что-то хлопнуло
И пруссакъ—«Ахъ,
И—трахъ—

Растянулся въ Польшѣ...

И уже больше:
Головой не киваетъ,
Глазами—не мигаетъ,
Руками—не двигаетъ,
Ногами—не дрыгаетъ,
И—не прыгаетъ,
А другой—
Простой—

Кустарной работы...
Взгляни на него ты:
Лакомъ не крытъ,

Людей не дивить—
Ни много, ни мало...

— Но зато, какъ ни въ чемъ не
бывало,

Какъ раньше стоялъ, такъ и —
стоитъ,

— Ибо, — «неладно скроенъ, да
крѣпко сшитъ».

V.

ПѢСЕНКИ.

О Петькѣ.

Петька—шленда,
Петька—«фронда»,—
Сталь задумчивъ не съ добра,—
Первоклассникъ,
Безобразникъ,
Озорникъ et cetera...

Мысли—туги,
Отъ натуги—
Въ головѣ его—лапша...
— На Карпаты,
Сквозь гранаты,
Рвется Петькина душа...

— «Жить подобно—
«Неудобно!
«Надо нашимъ помогать».—
— Взялъ онъ ножикъ,
Фунтъ лепешекъ
И—поѣхалъ воевать!..

Но... догнали
На вокзалъ...
— Вотъ те только и всего!..
Такъ... гранаты
— И Карпаты—
И остались безъ него!..

И обратно,
Безвозвратно,—
Петька шествуетъ, скорбя...

— Глупый Петька,
Милый, Петька,
— Эхъ, братъ,.. выпорютъ тебя!

Непобѣдимый.

— Кто осмѣлится сразиться
Съ паномъ Владекомъ на сабляхъ?!

— Ну-ка, витязи, кому здѣсь
Жить на свѣтѣ надоѣло?!

— Въ ожиданіи отвѣта,
Улыбается панъ Владекъ
И гарцуетъ, щуря очи,
Возлѣ рыцарей смущенныхъ!..

— Ахъ, панъ Владекъ, не гарцуйте,
Не гарцуйте слишкомъ гордо,—
Намъ извѣстно достовѣрно,
Что и вамъ попало тоже!..

— Намъ извѣстно даже больше:

— Что, понесши пораженъе,
Вы молили о пощадѣ
Побѣдителя смиренно!

— Разрѣшите вамъ напомнить
Имя этого героя?

— Это имя: панна Зося,
Панна Зося—это имя!..

Пѣсенка маркитанки.

Лотокъ маркитанки
Торгуеть съ зари..
Махорка, баранки—
Что хочешь бери!

— Товаръ не доходный,
Зато, примѣчай,—
— Все есть, что угодно!
— Купи,—получай!

Есть чай и лепешки
И сыръ и табакъ
И мыло и ложки
И старый темлякъ.

Мой товаръ—на расхватъ!
Всякъ гостинцу, вѣдь, радъ!
Цѣлый полкъ у меня побывалъ!..
А вчера поутру,
(Вотъ ей-богу не вру!)
Подошелъ даже самъ генераль!

Но тянутся губы
Изъ всѣхъ—къ одному!..
— Все даромъ ему бы,
Все даромъ ему!

И чай и лепешки,
И сыръ и табакъ,
И мыло и ложки,
И старый темлякъ,

И фунтъ рафинада
И „Рижскій Бальзамъ“...
— Въ придачу, коль надо,
И... сердце отдамъ!

Онъ, во-первыхъ,—герой,
Во-вторыхъ,—молодой,
Ну, а въ-третьихъ,—красивъ и румянъ...
И, къ тому жъ, у него—
Съ боку, кромѣ всего,
На ремнѣ—барабанъ! барабанъ!

Дѣтская...

У маленькаго мальчика Кольки,
Который выглядить слишкомъ молодожаво
И настолько малъ,
Что еще не читалъ
Не только—
«Международнаго права»,
Но даже простой «грамматики»,—
— Есть два оловянныхъ солдатака!
Одинъ—«казакъ»,
А другой—«пруссакъ»!..
— «Казакъ»—и нарядный и дюжій,
«Пруссакъ-же»—похуже!

И только
Надвинется вечеръ,—
Колька
Готовится къ сѣчѣ!..
— Ставить въ рядъ
Этихъ двухъ солдатъ—
Лицомъ другъ къ дружкѣ...
(Одинъ—«на западѣ», другой «на востокѣ»)
И, за неимѣніемъ пушки,
Раздувъ, по возможности, щеки
И принявъ очень яростный видъ,—
Онъ самъ тарахтитъ—
И свирѣпъ и угрюмъ:
— „Буммъ! Буммъ! Буммъ“!!!

И воюеть онъ такъ—
Пока
«Казакъ»
Не побьетъ «пруссака»..'

Когда-же окончится бой,
Колька, пыхтя, забираетъ съ собой
И того
И другого:
«Своего»—
И «чужого»
И сложивши ихъ дружка на дружку,—
Кладетъ къ себѣ подъ подушку!..
И такъ, все забывъ,
И простивъ,—
Спитъ вмѣстѣ съ «врагомъ» въ тихой
спаленкѣ,

Потому что онъ—маленькій!

Пѣсенка юнги.

У васъ на землѣ,
Какъ въ старомъ дуплѣ,
И скучно, и нудно, и тѣсно:
Стѣна—впереди,
Стѣна—позади!..
А гдѣ небеса?..—неизвѣстно!

А въ морѣ у насъ,
Идетъ вѣчный плясъ!..
И мечутся въ пѣнномъ уборѣ,
Толпою шальной,
Волна за волной!..
О, море, о, синее море!

— Эй, юнга, сказалъ капитанъ,
Теперь намъ осталось одно:
Побѣдить, иль—на дно!
Готовься-жъ себя, мальчуганъ,
Отечеству въ жертву принести!..

— „Есть!“

У васъ въ городахъ
Цвѣтутъ на щекахъ:
Лимоны, лимоны, лимоны!
А пѣсни и сны,

Уныло черны,
И грустны, какъ въ полѣ вороны!..
А мы, моряки,
Не знаемъ тоски!
Мы съ ней окончательно въ ссорѣ!
Какъ жизнь хороша!
И вторить душа:
О, море, о, синее море!

— Эй, юнга, сказалъ капитанъ:

— Теперь мнѣ осталось одно:

Побѣдить, иль—на дно!

Готовься-жъ себя, мальчуганъ,

Отечеству въ жертву принести! .

— „Есть!“

VI.

Оживленная баллада.

Оживленная баллада.

Поэтъ. Былые вѣка—голубѣющій дымъ,
Затеplenной Богомъ лампы...
— Давайте-жъ забудемся и погрустимъ
Подъ шопоть старинной баллады...
Вонъ, вонъ, бѣлый призракъ плыветъ
въ вышинѣ...

Голосъ. Чу... Слышите? Вотъ, прозвенѣло:
— Я герцогъ Ричардъ. Я убить на
войнѣ

Межъ Розами: Алой и Бѣлой...

Поэтъ. — И хлынули призраки бѣлой волной,
Струясь изъ тумана сѣдого...
Но я оживлю ихъ нетлѣнной мечтой
И сдерну завѣсу съ Былого...

(тихо). Былые вѣка—голубѣющій дымъ,
Затеplenной Богомъ лампы...
— Давайте-жъ забудемся и погрустимъ
Подъ шопоть старинной баллады:
— Графиня Урсула сидитъ у окна,
Но сердце графини—въ долину...
Графиня—печальна, графиня—блѣдна,
Заплаканы очи графини...

Графиня. — О гдѣ-же, ты, гдѣ, отзовись мой
Эдгаръ?
Все также-ль хранимъ ты судьбою?

Иль, можетъ, сразилъ тебя вражій ударъ
И воронъ кружить надъ тобою?

Поэтъ. — Вздохнулъ еле слышно тоскующій
шутъ

И молвилъ, тряхнувъ бубенцами:

Шутъ. — Отъ вѣка, живые съ живыми живутъ,
А мертвые спятъ съ мертвецами.

И нечего дѣлать живымъ средь могилъ,—

Такъ скажетъ любой вамъ философъ...

Я, тоже, изъ нихъ... и давно разрѣшилъ

Милльонъ всевозможныхъ вопросовъ...

— На каждомъ челѣ — есть число и
печать

И срока судьба не забудеть...

— Что будетъ—то будетъ, чему-жъ не
бывать —

Того никогда и не будетъ!

Къ тому-же, отъ всякихъ волненій и
слезъ—

Въ груди—словно банка пѣвицъ!

И вянутъ гирлянды алѣющихъ розъ

На щечкахъ печальныхъ красавицъ...

Поэтъ. — Графиня не слышитъ... Весь мѣръ
для нее

Окутался дымомъ пожарищъ...

Шутъ. — Э-эхъ,

Поэтъ. — Молвить шутъ,

Шутъ. — Плохо дѣло мое,

Твой выходъ пѣвучій товарищъ...

Вѣдь долженъ—то знать, хоть немного,
Амуръ

Что въ женской душѣ колобродитъ?..

Поэтъ. — И входитъ съ поклономъ, на зовъ
трубадуръ

И сладкую пѣсню заводитъ:

Труба- — Журчи мой напѣвъ, тихой грустью
дуръ звеня...

(вглядываясь
рветъ струны). Но... струны порвались... О, Боже,
Не мало есть пѣсенъ въ груди у меня,
Но тамъ вѣдь и сердце есть, тоже.
Ужасны удары враговъ на войнѣ,
Но стрѣлы Амура—опаснѣй...

— Есть много красавицъ въ англійской
странѣ,

Но вы, госпожа, всѣхъ—прекраснѣй.

Пока трубадуръ не влюбленъ — онъ
поетъ,

Когда-же влюбленъ—умираетъ...

Поэтъ. — И лютню дрожащей рукой онъ беретъ
И на полъ, со стономъ, швыряетъ.
Графиня не слышитъ... весь мѣръ для
нее

Окутался дымомъ пожаращъ...

Шутъ. — Э-эхъ,

Поэтъ. Молвить шутъ,—

Шутъ. Плохо дѣло твое,

Влюбленный пѣвучій товарищъ...

Поэтъ. И тихо уходятъ они... Вдалекѣ
Зарница крылами взмахнула...
Но, возлѣ окна, цѣпнѣя въ тоскѣ,
Застыла графиня Урсула...
И тихо... и тихо... Забившись въ углахъ,
Тѣснятся кобольды незримо...

Но, вдругъ, звякнулъ мечъ и—въ рас-
крытыхъ дверяхъ

Графиня. — Эдгаръ мой, Эдгаръ мой любимый?..
Эдгаръ Мы бились, какъ тигры. Въ предутрен-
(съ бѣлой розой). ней мглѣ

Алѣли въ крови алебарды...

Но... врагъ одолѣлъ... и давно на землѣ
Нѣтъ больше Юрка Ричарда...

Его увели, въ кандалы заковавъ...
Погибъ онъ, погибъ онъ, нашъ герцогъ!..
О, горе...

Поэтъ. И падаетъ раненый графъ,
Схватившись рукою за сердце!..
И вновь звякнулъ мечъ...

Голосъ. Эй, здѣсь раненый звѣрь
Запратался съ нашей занозой?..
Живѣй открывайте, иль вышибемъ дверь!
Клянусь въ этомъ „Алою розой“.

Графиня. — Враги?.. О, Эдгаръ, часъ прощанья
насталъ,—
Смерть въ гости къ намъ жалуется нынѣ...

Поэтъ. — Въ рукѣ у графини сверкаетъ кин-
жалъ.

Графиня. — Какъ молніи—очи графини.
— Спасу я отъ смерти тебя, мой Эдгаръ.
Меня-же она не пугаетъ.

Поэтъ. — И въ грудь направляетъ графиня
ударъ
И розу къ груди прижимаетъ.—
И молвить ворвавшейся бандѣ въ от-
вѣтъ:

Графиня. — Уйдите... напрасны угрозы...
Ошиблись вы дверью... Юрковъ здѣсь
нѣтъ...

Поэтъ. Взгляните, вотъ... алая роза...
Былые вѣка—голубѣющій дымъ,
Затепленной Богомъ лампы...
— Давайте-жь забудемся и погрустимъ,
Подъ шопоть старинной баллады...

VII.

Эпилогъ одной очень
тривиальной исторіи.

(Всѣмъ разгримировавшимся въ эти дни—посвящаю).

Ахъ какъ тривіально все это
И какъ до зѣвоты старо:
— «Жила, какъ-то, гдѣ-то—
 Пьеретта,
И жилъ какъ-то, гдѣ-то—
 Пьеро!»

Всѣ знаютъ исторію эту:
Пьеро вдругъ влюбился въ Пьеретту,
Пьеретта (она-жъ «Коломбина»)
Ему предпочла—Арлекина.
И сталъ очень бѣлаго цвѣта
Отъ этого бѣдный Пьеро!..

— Ахъ, какъ тривіально все это,
И какъ до зѣвоты—старо!..

Со дня сотворенія міра,
По своему, каждая лира,
Звеня распѣвала о нихъ...
И—шили штиблеты—

 Поэты

За счетъ этой самой Пьеретты
И двухъ остальныхъ...

И такъ до послѣдней минуты,
Попавши въ любовныя путы,
Пьеро обнималъ Коломбину,
Она-же въ тотъ мигъ Арлекину
Прозрачно весьма улыба^{сь},

Текъ,

Клюквенный сокъ...

И казалось,

Что взялъ на безсмертье подрядъ
Почтеннѣйшій триумвиратъ!..

Но вотъ въ чужедальныя страны—
Забилъ походъ барабаны
И — смолкъ перезвонъ мандолинъ!..
— О, вы, кавалеры и дамы,
Припомните изъ телеграммы,—
— Какъ дрался въ бою Арлекинъ!

— Пьеретта, Пьеретта,
Что это?—

— При первомъ-же стонѣ бойца,
Не кончивъ на сценѣ куплета,
Вы смыли румяна съ лица?!
И грудь шаловливой Пьеретты
(Не правда-ль, какъ странно все это?!.)
— Украшена, нынче, притомъ,
Не красною розой, а «краснымъ крестомъ!»

И кровью обрызганъ пестро
Сжимающій саблю Пьеро!

Salute!

Король.

Съ тѣхъ поръ, какъ, въ гнѣвѣ, крылья Смерти
Забороздили по землѣ,—
Кто не молился объ Альбертѣ
О легендарномъ королѣ?!..

И мнится мнѣ:

— Въ кровавой дали,
Едва, едва скрывая боль,
Стоить, блѣднѣя отъ печали,
Безсмертьемъ вѣнчанный король...

— Снимите шляпы ..

Братьямъ-полякамъ.

О, дѣти растерзанной Польши,
Ударьте, какъ встарь, на враговъ!..
Иль можетъ у Польши нѣтъ больше
Достойныхъ Былого сыновъ?
Иль, можетъ быть, руки ослабли?
Иль, очи потухли средь мглы?
Иль старыя польскія сабли
Для внуковъ уже тяжелы?
О, нѣтъ, погребальную тризну
Надъ Польшей справлять погоди:
Есть кровь, чтобъ пролить за отчизну—
Въ изрубленной польской груди...
Рѣдѣютъ и такъ туманы,
Оконченъ нашъ споръ вѣковой
И братскія ссоры и раны—
Омыты живою водой.
И, вновь, горделиво и властно,
Надъ Польшей восходитъ звѣзда,
Какъ польская панна—прекрасна.
Какъ польская панна—горда.

Пусть надъ Бельгіей повисъ.

Пусть надъ Бельгіей повисъ
Черный крепъ печали,
И огнемъ заволоклись
Вздвогнувшія дали...
— Вѣрь: взойдетъ ея звѣзда,
Вновь, надъ черной кручей!..
— Вѣдь и солнце иногда
Прячется за тучи!..
— И не долго рыскать тамъ
Вражымъ эскадронамъ!..

— Горе пляшущимъ врагамъ!
— Слава—побѣжденнымъ!

Маріэтта.

Маріэтта, Маріэтта, гдѣ твой братъ,—
Каждой дамѣ улыбавшійся солдатъ?
Отчего онъ больше саблей не гремитъ?
—Онъ... убить...

Маріэтта, Маріэтта, гдѣ твой Жанъ,—
Твой женихъ, твой вѣрный рабъ и твой тиранъ?
Отчего у ногъ твоихъ онъ не сидитъ?
—Онъ... убить...

Маріэтта, Маріэтта, гдѣ твой смѣхъ—
Звонкій спутникъ юныхъ дѣвичьихъ потѣхъ?
Отчего-же, отчего онъ не звенитъ?
Онъ... убить...

Польшѣ.

— Кто сказалъ, что пѣсня славы
Отзвучала для поляковъ?..

— Нѣтъ разрубленъ гнетъ оковъ!
И въ объятіе Варшавы
Вновь падеть плѣненный Краковъ,
Какъ упалъ отбитый Львовъ!..

— Нѣтъ, поляки не ослабли!

— Панны ихъ залѣчатъ раны
Лаской сердца своего!..

— Что острѣе польской сабли?

— Что прекраснѣй польской панны?

— Ничего!

Тильтиль и Митиль.

Въ красномъ огненномъ туманѣ,
Подъ ударомъ гнѣвной стали—
Претворилась Сказка въ Быль...
И, опять, тайкомъ отъ няни,
Темной ночью убѣжали
Братъ съ сестрой—Тильтиль съ Митиль...

И дорогою безкрайной
Вдаль идутъ черезъ гробницы
И стучатся въ каждый домъ:
—„Вы не видѣли, случайно,—
„Синей Птицы... Синей Птицы—
„Съ окровавленнымъ крыломъ?!“

Лувень.

Еще, какъ прежде, жужжать снаряды,
Еще не конченъ нѣмецкій плѣнь...
Въ вечернемъ небѣ горитъ лампадой
Испепеленный врагомъ Лувень...

— Не хмурьте брови! Пусть грянуть пѣсни,
Лихія пѣсни лихихъ годинъ...
Лувень—воспрянетъ, Лувень—воскреснетъ,
Въ огнѣ Лувена—сгорѣлъ Берлинъ!

Гдѣ нынче ядра землю рвутъ...

Гдѣ нынче ядра землю рвутъ
Тамъ жилъ народъ уединенный...
Мечемъ его былъ—мирный трудъ,
Щитомъ его—скрижаль закона!..

И, вотъ—лежить онъ, недвижимъ,
Найдя безсмертье въ вѣчной славѣ...
И кружатъ вороны надъ нимъ!..
— Вильгельмъ, Вильгельмъ, гдѣ братъ твой—
Авель?!»

Трилистникъ.

Весна 1915 г.

Не пойте о любви подъ грохотъ кононады
И, выгнавъ за порогъ весенняго пѣвца,
Закуйте въ кандалы игривыя сердца...

—Не пойте о любви подъ грохотъ кононады.

—Пожалуйте въ окопъ, Лирической Ромео...
Довольно, чертъ возьми, вздыхать и охать вамъ!
Вы созданы, дружокъ, не только лишь для дамъ!..

—Пожалуйте въ окопъ, Лирической Ромео!

—Кто знаетъ: отчего такъ алы, нынче, розы?
Желательно-ли такъ кокетливой Веснѣ?

Иль... кровью, можетъ быть, опрыснуты онѣ?

—Кто знаетъ—отчего такъ алы, нынче, розы?

Овечка.

Есть въ Берлинѣ—рѣчка
А на рѣчкѣ—мостъ,
На мосту—овечка,
У овечки—хвостъ!

Не изсякнетъ рѣчка,
Не снесутъ моста...
Будетъ и овечка,
Только—безъ хвоста!

Въ сей день.

Еще никогда, отъ начала
Посыпанныхъ пепломъ временъ,
Такъ тяжко земля не стонала
Подъ шагомъ взбѣшенныхъ племенъ!..

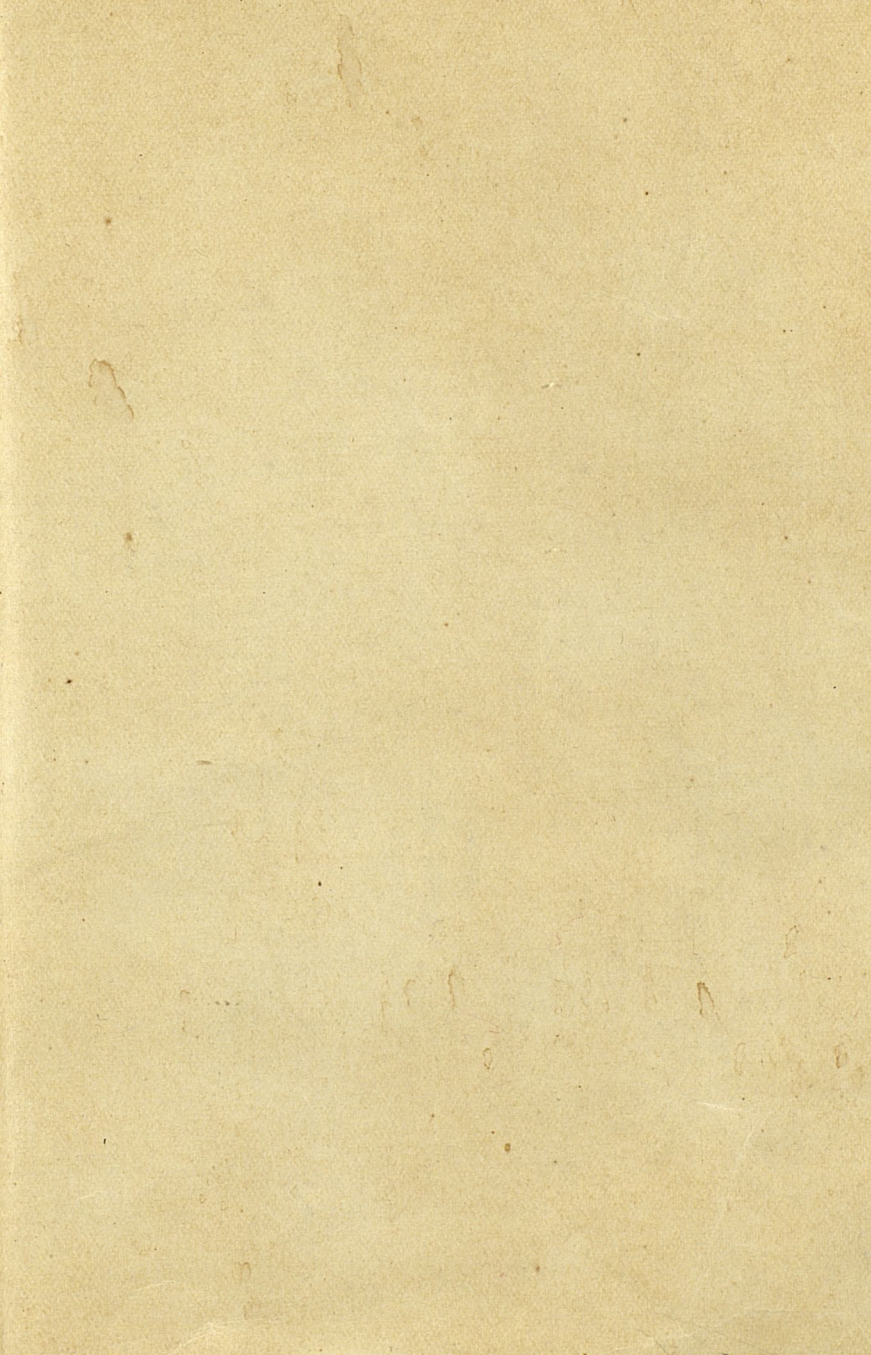
Не даромъ, къ подъятымъ знаменамъ
Стекались народы въ ночи!..
— И, вотъ съ незапамятнымъ звономъ,
Скрестились лихіе мечи!..

И снова спокойно и смѣло,
Россія, принявша бой,—
— Сплотилась въ единое тѣло—
Съ единой зажженной душой!

И въ даляхъ родимыхъ просторовъ,
Средь бранныхъ грохочущихъ вьюгъ,
Мнѣ видится: новый Суворовъ
И новый Козьма Сухорукъ!..

И будутъ рассказывать дѣды
И прадѣды—внукамъ своимъ!
— Какъ встрѣтили здѣсь мы сосѣда
И какъ пировали мы съ нимъ!

КОНЕЦЪ.

Цѣна 75 коп.

7

28327

2007054044